

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

**В.Г. Скочилова,
И.В. Кирдяшкин**

**Исследование влияния
культурно-символического
«контекста» на политическую
социализацию томской
студенческой молодежи**

Электронный ресурс

URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/2015-Skochilova-Kirdyashkin.pdf>

Перепечатка с сайта Вестника
Томского государственного
университета. Философия.
Социология. Политология.
<http://journals.tsu.ru/philosophy/>

URL: <http://www.civisbook.ru>

УДК 316.61:32; 316.7:32
DOI 10.17223/1998863X/31/3

И. В. Кирдяшкин, В. Г. Скочилова

ИССЛЕДОВАНИЕ ВЛИЯНИЯ КУЛЬТУРНО-СИМВОЛИЧЕСКОГО «КОНТЕКСТА» НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ СОЦИАЛИЗАЦИЮ ТОМСКОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ¹

Представлены предварительные результаты исследования характера релевантности политической ментальности студенческой молодежи г. Томска современному культурно-символическому контексту политической социализации молодежи на примере изучения характера конструирования политической реальности студенческой молодежью НИ ТГУ и ТУСУРа.

Ключевые слова: социализация, молодежь, политическая социализация молодежи, социализационный контекст.

Исследование процессов и методов политической социализации в его взаимодействии с культурным контекстом сопряжено с определением ее как процесса коммуникации. В данном случае коммуникация рассматривается через призму концепции Н. Лумана и представляет процесс отбора релевантных ее первичным основаниям информационных событий [1]. Коммуникация как средство познания политического мира есть и определенный свод представлений, который не предполагает отрицание первичной реальности. Она состоит в опыте когнитивных операций, образующем «память» общества, представленную, в том числе, культурой общества, логика которой тесно связана с логикой ментальности человека. Эта логика есть «нить», соединяющая структуры ментальности человека и политический мир. На эту «нить» и нанизываются способы интерпретации политической реальности как способы коммуникации, образуя коммуникативный контекст. Структуру коммуникативного контекста политической социализации составляет культурно-символический контекст. «Коммуникативный контекст маркирует истинность той или иной смысловой репрезентации политического мира... через придание его интенциям соответствия умонастроениям молодежи закладывает характер эволюции политического мира как системы установок действия и мысли, смыслов свободы человека» [2. С. 82–83]. Тем самым культурно-символический контекст политической социализации молодежи выступает как средство построения картины политической реальности.

Исследования культурно-символического контекста политической социализации основываются на определении культуры как символического средства деятельности человека в мире Э. Кассирера. Согласно автору, структура единого социокультурного универсума, говорим ли мы о политических, религиозных, производственных или каких-либо других функциях человека, предполагает различное использование символического инструментария [3]. Культура в данном отношении имеет прямое отношение к процессу политиче-

---

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 14-13-70001.

ской социализации, так как именно средствами культуры молодежь реализует процесс передачи и обработки получаемой информации, массив которой в современном обществе растет. В данном отношении культура выступает как контекст политической социализации в значении средства информационных обменов и селекций. На языке культурного контекста человек интегрируется в интерсубъективный мир общества, составляющий основу политической реальности. Культурный контекст влияет на то, что в процессе политической социализации формируется не просто абстрактный гражданин, а гражданин, располагающий особенными навыками осмысления политической реальности и ее изменения, работающими только в пределах границ этой реальности. Культурно-коммуникативный контекст образует символическое пространство ограничения в отборе информации в процессе политической социализации, артикулируя в качестве ведущих способов понимания политической реальности те, а не иные политические смыслы и формы операционализации политических событий, реализующие стратегию социально-политического контроля и форм регуляции политической социализации.

Так, одной из ведущих форм культурно-символического контекста является политическая идеология, выступающая как культурный феномен в политическом пространстве, поддерживающий структурирование символического универсума. Политическая идеология направлена на формирование символических образов и уже имеет в своем арсенале общепринятые культурные символы, которым свойственно утилитарное прочтение и которые задают и поддерживают социальные связи политических агентов. Так, политическая идеология выступает как схематизирующая система, в которой политическая реальность «маркирована и разграничена, то есть интерпретирована в рамках идеологического конструкта... посредством символических форм, а пространство дуальных оппозиций уже заранее наделено смыслами, осваиваемыми индивидами как социально-политический опыт» [4. С. 94]. Идеология определяет форму и характер существования ментального в реальном политическом мире, она преобразует картину политического мира и организует восприятие политической реальности индивидами, вносящими в эту реальность собственные трактовки, эмоции, оценки, которые сами зачастую являются, по мнению Э. Кассирера, воображаемыми.

Таким образом, культурно-символический контекст политической социализации воздействует амбивалентно. С одной стороны, он представляет собой культурно-символический комплекс внешнего мира, детерминирующий политическую реальность локального общества и сознание человека, реализуя процесс инореференции как презентации разнообразия культурных приоритетов смысла систем окружающего мира, других культурно-исторических сообществ и глобального мира в целом. С другой стороны, культурно-символический контекст артикулирует средства редукции этого разнообразия, содержащиеся в архетипах традиционной, в частности, отечественной культуры и ее региональной составляющей, реализуя проект самореференции, артикулирующий внутренний смысл политической реальности, полученный путем отбора информации в прошлом, и выступающий средством познания систем внешнего мира.

Культурный контекст политической социализации может выступать как средством хаотизации политической социализации, так и средством, проецирующим потенциальные возможности согласия, синтеза культур и образов жизни. Одной из значимых тенденций современного глобального культурно-символического контекста является усиление темпов развития социального порядка и увеличения разнообразия источников культурно-символического контекста как априорной формы коммуникации, что, в свою очередь, определяет усиление неопределенности коммуникации, т.е. ее блокирование. Тенденция сопровождается увеличением значимости индивидуальных приоритетов и ценностей, ростом эффекта технических средств коммуникаций и производства «представлений» о социальной реальности. Современный культурно-символический контекст стимулирует участие человека в его формировании, со-творчестве культурного плана бытия, создавая чрезвычайно сложную картину нормирования политического выбора и ослабляя социокультурные предпосылки политического консенсуса.

Ускорение темпов изменений порождает значимость в качестве средств саморегуляции «быстрого знания», основанного на стереотипах и архетипах. В современном, прежде всего, глобальном культурно-символическом контексте на передний план выдвигается ценностная система «небезопасного общества». У. Бек, как автор концепции «общества риска», рассматривает мировое общество риска как ситуацию, когда ни в одной из сфер жизнедеятельности мы не можем рассчитывать на определенность, что рождает скрытое квазиреволюционное общество, стимулирующееся последствием технологических решений политических проблем [5]. Это формирует соответствующие культурные образцы в качестве нормы «культурного взрослого», выступающие ведущими средствами редукции разнообразия культурных стратегий, смыслами которой становятся полюсы безопасности. Основным полем этой редукции выступает сфера виртуальных проекций социально-политических отношений, поэтому важным символическим контекстом современной политической социализации молодежи стали визуальные продукты современной техники и культуры, представляющие основные каналы влияния культурно-символического контекста и формирования образа политической реальности, ее механизмов и смыслов.

Особенностью общероссийского культурно-символического контекста политической социализации молодежи является тенденция, связанная с ростом культурных различий и образов жизни как производных влияния глобальных средств коммуникаций. Это делает культурно-символический контекст полистилистическим, формируя неоднородные, гибридные формы предпосылок образа и ориентаций «человека политического», накладывающиеся на процесс постсоветских трансформаций общества и его культурных ориентаций. Редукция этого растущего разнообразия в российском культурно-символическом контексте связана как с активизацией традиционных предпосылок политической реальности и ее государственной формы в качестве ведущих конструкций, которые инициируются вызовами глобального мира и проблемами безопасности, так и с элементами реставрации советской идеологии, символов сильного государства и его лидера как точек отсчета политической реальности. Они основываются на ключевых интенциях оте-

чественной культурной традиции, в которой государство представлялось как полюс Правды, т.е. высшей ценностью в дуалистической «картине мира».

Особенностью томского регионального культурно-символического контекста являются культурно-символические феномены Томской области как «обучающегося региона» [6]. Они складываются в процессе ее позиционирования в России и за рубежом. Последний аспект стал сегодня важным фактором формирования региональной идентичности, формирующейся в пространстве мнения, потребностей, смыслов деятельности «глобальной аудитории».

Идентичность «обучающегося региона» связана с процессами формирования интенсивных связей региона с разными экономическими и культурными мирами, символизирующими способность и желание регионального культурного сообщества не только жить в «обучающемся режиме», но и являться мощным источником культурной продукции как контекста политической социализации в стране и в глобальном мире. Это обусловлено, прежде всего, высокой концентрацией научно-образовательной инфраструктуры, вузовской интеллигенции и учащейся молодежи как важных источников ресурсов культурно-символического позиционирования Томского региона в России, выразившейся в устойчивой позитивной идее-образе «Томск – город – форум».

Вместе с тем подобное позиционирование региона несет определенные риски. Потенциальная связь студенческой молодежи не только с региональной культурой отношений, но теми проектами организации жизнедеятельности, которые приходят из глобального мира, где уровень культурных различий значительно больший, чем в регионе, предопределяет большее давление факторов хаотизации. Но важно отметить и то, что элементы идентичности «обучающегося региона» могут иметь эффект генерализации культурных различий коммуникативного контекста политической социализации региональной студенческой молодежи, при условии ее вовлеченности в интегративные региональные практики. Целостность или разрозненность политической ментальности студенческой молодежи, ее устойчивые паттерны политической ментальности являются неким маркером эффекта стратегии «обучающегося региона» как региона, связанного общими стратегиями изменений, смыслами жизненных ориентаций. Жизненные ориентации составляют внутреннюю структуру возможностей региона, так как «политическая картина мира» составляет часть жизненных стратегий молодого человека в обществе.

В исследовании характера релевантности политической ментальности студенческой молодежи г. Томска современному культурно-символическому «контексту» политической социализации приняли участие студенты 1–5 курсов гуманитарных специальностей НИ ТГУ и ТУСУР. Из них: студенты философского факультета НИ ТГУ – 31%, факультета психологии НИ ТГУ – 55 %, студенты факультета журналистики НИ ТГУ – 10 %, студенты экономического факультета ТУСУР – 4 %. Всего в комплексном исследовании приняли участие более 120 респондентов.

Были выделены последовательные стадии исследовательских работ (2014–2015 гг.), позволяющие выявить устойчивые ценностно-

символические конструкторы и паттерны политической ментальности, степень их преобразования под воздействием внешней политико-культурной среды, в том числе идеологических факторов, и в целом культурно-символического контекста. Поэтапное исследование предполагает артикуляцию наиболее устойчивых доминант политической ментальности, выявление которых обнаруживает связь политической ментальности с тем или иным диапазоном культурного контекста как направляющей проекцией политической социализации.

В первую очередь, в фокусе нашего внимания оказался метод исследования жизненных переживаний социализирующегося агента, погруженного в определенный «контекст», позволяющий понять, как человек переживает политический мир, как видит себя в нем, в том числе и в региональном измерении. Познание смысловых доминант студента в политической сфере было осуществлено с помощью феноменологической методологии.

Феноменологическое исследование переживаний политического измерения социальной жизни может осуществляться в форме интервью либо в форме письменного изложения [7. С. 210]. Наиболее релевантным целям и задачам исследовательского проекта оказался второй вариант – феноменологический опрос, предполагающий письменное изложение мнений, оценок, переживаний и отношений к поставленным проблемным вопросам и ситуациям. Так, исследование было проведено в форме стандартизированного опроса с открытыми вопросами, в котором респонденты давали ответы в свободной форме. В отдельных случаях допускалось визуальное отображение переживаний политического мира как «контекста» субъективного опыта.

Формализованный опросный лист разработан с учетом динамических характеристик политической сферы современной России и включает следующие группы вопросов: 1) вопросы, связанные с общим переживанием (мироощущением) политики как сферы взаимодействия людей, реализации и формирования культурно-символического опыта (переживание политической власти, отношение к власти, ценность власти, стереотипы о власти и т.п.); 2) переживание актуальной политики: вопросы, позволяющие выявить устойчивые представления и стереотипы, в том числе о текущих российских политических процессах, и смысловые доминанты (ценностно-символические, образные конструкции), влияющие на процессы политической социализации студенческой молодежи.

Вторую часть исследования составили методы психологического тестирования, которые предоставляют возможность диагностики расположенности индивидуальных психологических установок студентов к тем или иным смыслам, направленности символического «контекста» политической социализации студенческой молодежи г. Томска.

Во-первых, методика диагностики социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере (О.Ф. Потемкиной), направленная на выявление степени выраженности социально-психологических установок (ориентаций на процесс, результат, альтруизм, эгоизм, труд, деньги, свободу, власть) и позволяющая определить степень мотивации и направленность ориентаций в повседневной жизни [8. С. 641–648]. В рамках исследования методика позволяет определить характер взаимодействия человека с социальным миром, степень соответствия индивидуального «кон-

текста» социальным ценностно-нормативным схемам, через призму которых социализирующийся индивид встраивается в политический мир.

Во-вторых, тест культурно-ценностных ориентаций (Дж.Таусенда), в основу которого заложено представление о трех типах культуры (традиционная культура, современная культура и динамически развивающаяся культура) и целью которого является определение основных тенденций формирования и становления изучаемой культуры [9. С. 212–215]. В исследовательском проекте методика позволяет описать культурную ориентацию студенческой молодежи г. Томска в модусах прошлого – настоящего – будущего как доминирующих паттернах ментальных репрезентаций в социализационном контексте.

Анализ полученных данных исследования демонстрирует, что наиболее устойчивыми являются образы власти, характерные для российской политико-культурной традиции. Представления о власти как о мощной, сильной, управляющей руке дополняются между тем представлениями о власти как об обезличенном «механизме» управления и контроля над обществом и людьми. Характерным также является двойное представление о формах отправления власти: в ответах респондентов отмечаются образы власти как верховной единоличной власти, подавляющей людей и одновременно с этим заботящейся о народе, но существенное большинство ответов изображает коллективное начало власти – как закрытую группу, управляющую людьми и процессами, и, что немаловажно, часто в собственных интересах. Современная власть в представлениях опрашиваемой части томского студенчества является скорее ресурсом материальных благ, тогда как символическая составляющая власти, как, например, престиж, статус и т. п., подчеркивается респондентами в меньшей степени. Тем не менее в описании власти респонденты отталкиваются от идеального представления об ее демократических основах и, вместе с тем, социальной ориентированности, в чем сказывается, с нашей точки зрения, отличие студенческой аудитории.

Представления о российской власти носят более однозначный характер. В большинстве случаев это персонализированная власть (Путин или Медведев и Путин), и даже коллективная составляющая власти имеет конкретное образное выражение: Единая Россия, Правительство, Государственная дума и пр. Реже российская власть в представлениях респондентов носит неопределенный, обезличенный характер, но тем не менее признаются её сила и авторитет. При этом в образе сильной и решительной власти сочетаются разнонаправленные идеологические модели. Так, например, Путин в представлениях студентах одновременно выступает как консерватор и модернизатор, оказываясь «своим» для многих.

Вопросы о региональной власти и региональной идентичности вызвали наибольшее количество затруднений у респондентов. Символическая составляющая региональной власти напрямую связана с центральной властью, тем самым опрашиваемые представляют абсолютную зависимость региональных властей от федерального центра. Что характерно, региональная власть по преимуществу носит абстрактный характер и в представлениях опрашиваемых «не существует». Респонденты не ощущают какого-либо влияния на их жизнь со стороны региональных властей. В общей картине

особо выделяются ответы респондентов – иногородних студентов, в частности студентов из Кемеровской области. В их представлениях региональная власть четко ассоциируется с образом одного из последних «тяжеловесов» и «долгожителей» региональной политики А. Тулеева. Его образ символизирует честную, надежную, стабильную и даже отеческую власть (например, «Добрый дядя»).

Исследование показало также, что в ответах почти не просматривается культурный символизм стратегий внешнего позиционирования томского региона как «обучающегося региона». Опрашиваемая часть студентов не связывает свои действия с региональной стратегией формирования среды, где может вырасти креативный, инновационный класс. На наш взгляд, это также является следствием того, что традиционные конструкции отечественной ментальности, отождествляющиеся с действиями центральной государственной власти, нивелируют региональный аспект в сознании томских студентов.

Немалое количество респондентов уверены в своей способности повлиять на власть через установленные законом формы выражения политической воли и осознают, что политические решения влияют на их повседневную жизнь. При этом студенческая молодежь не всегда связывает текущую политику с решениями и действиями российских федеральных и региональных властей. В целом, хотелось бы отметить эклектичный характер представлений студенческой молодежи г. Томска о политике и политических процессах и вместе с тем устойчивый традиционалистский образ власти.

Особый интерес представляет феномен «постсоветской ментальности», также характерный для студенческой молодежи г. Томска. Ключевые клишированные образы советской эпохи, часто приобретенные в процессе первичной социализации, перемежаются с размытыми знаниями исторических фактов, полученных часто в фрагментарной и искаженной форме из СМИ, кино или официальных государственных источников. Респонденты отмечают собственную ностальгию по советскому прошлому, однако подчеркивают отсутствие личного «советского опыта» и безвозвратность этого этапа.

Можно предположить, что это конструкт индивидуально-коллективной памяти, выполняющий компенсирующую функцию по поддержанию и конструированию политической и культурной идентичностей. Причем его формирование определяется исключительно в свете принадлежности к коллективному началу. Как отмечает П. Рикер, «так мы получаем доступ к событиям, реконструируемым для нас другими, отличными от нас. В данном случае другие определяются своим местом в некой целостности» [10. С. 169–170]. Логика восприятия мира определяется коллективными представлениями, где группы индивидов представляют собой социально-структурное основание для того или иного означивания и определения реальности. Память же, как временная составляющая этого восприятия, также подвержена социальному конструированию в рамках групповых нормативно-символических форм. Таким образом, ностальгия не является отражением политических пристрастий, однако она имеет вполне конкретное политико-идеологическое измерение. Советские образы компенсируют потребность в целостных политико-мировоззренческих конструкциях в условиях фрагментарности символического пространства политики России.

«Ностальгия по советскому» у студенческой молодежи выступает как эмоциональный фактор, стимулирующий патриотические чувства и активизируемый посредством преемственности символики идентичности и легитимности, в данном случае советской символики. Высокая степень преемственности традиционных символов, проникновение их в новые структуры и институты в основе своей имеет высокую степень преемственности в базовых культурных кодах и ориентациях (см.: [11]). Ш. Эйзенштадт выделяет «основополагающие представления о социальном и культурном порядках», проявляющихся в характере отношений между центром и периферией, а также характере традиций властных отношений и иерархии [11. С. 284]. Здесь Россия демонстрирует традиционно большое влияние центра на периферию и монополию центра на символические ресурсы и процессы символизации, высокую степень всеобщего значения власти, потребность общества в «сильной руке», приоритет государства над обществом, «регулирующий и принудительный характер политики» [11. С. 284].

Активно культивирующееся в современной России мифическое и культурное наследие советской эпохи оказывает между тем, с нашей точки зрения, опосредованное влияние на восприятие современной власти и политического пространства респондентами. Советская символика в современной России не воспринимается студентами как фактор преемственности власти. Изменение конкретного содержания советских символов и изменение контекста символизации влекут мифологизацию прошлого в сознании студенческой молодежи, представляющую собой процесс реанимации устойчивых конструкций опыта, так важного в период социального взросления, но в самом широком понимании эти символы не реализуют свою основную функцию – именно способность выразить власть, неся в целом мировоззренческую функцию. Причины этого, с нашей точки зрения, определяются состоянием глобального культурно-символического контекста как фактора наиболее эффективных средств коммуникации, в котором традиционные паттерны ментальности имеют значение средств снижения сложности и неопределенности культурных ориентаций и стилей жизни современности. Советский и более ранний отечественный культурный опыт, выраженный символически, несет функцию упорядочивания хаотических тенденций современности, определяя проекции социально-политического взросления, наличие которых составляет условие социализации в целом.

Результаты опроса показывают, что ментальность студенческой молодежи г. Томска определяется свойственным российской политической культуре дуализмом. Он характерен для традиционных образцов отечественной культуры и имеет значение средства редукции разнообразия культурно-символического контекста современной политической социализации. Основными линиями разлома в представлениях о политическом мире, определяющими двойственные оценки и отношение к политическому, выступают бинарные оппозиции: демократизм – авторитаризм, социализм – капитализм, централизм – регионализм, индивидуализм – коллективизм, в меньшей степени глобализация – изоляционализм и анархизм – этатизм. Это поддерживается также специфической культурной ситуацией, характерной для пост-современных обществ и выражающейся в тенденциях индивидуализации

и атомизации, размытости ценностных и смысловых ориентиров и отсутствии соответствующего культурного шаблона, способного направлять социализационные процессы и организовать формирование и функционирование гражданского общества в России как типа социокультурной и политико-культурной деятельности.

Таким образом, результаты исследования политической ментальности томских студентов показывают, что потенциал неопределенности, формирующийся полистилистическим глобальным культурным контекстом, опосредован традиционализмом и архетипичностью российского культурного контекста, являющимися для молодежи важной основой упорядочивания и осмысления социально-политической реальности. Это позволяет сделать вывод о ключевой роли общероссийского культурно-символического контекста в формировании элементов политической ментальности опрашиваемой части томской студенческой молодежи как базиса ее политической рефлексии.

Литература

1. Луман Н. Введение в системную теорию. М.: Логос, 2007.
2. Кирдяшкин И.В. Значение коммуникативного контекста политической социализации молодежи в свете теории аутопоиетических систем // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. № 4. С. 77–83.
3. Кассирер Э. Избранное: Опыт о человеке. М.: Гардарика, 1998.
4. Скочилова В.Г. Символические структуры политической идеологии в ценностном изменении // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2012. №3. С. 93–102.
5. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
6. Найман Е.А. Становление концепции «обучающегося региона» в западной науке // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2013. № 1. С. 81–91.
7. Улановский А.М. Феноменологическая психология: качественные исследования и работа с переживанием. М.: Смысл, 2012.
8. Практическая психодиагностика. Методики и тесты: учебное пособие. Самара: Издательский Дом «БАХРАХ-М», 2001.
9. Сонин В.А. Психодиагностическое познание профессиональной деятельности. СПб.: Речь, 2004.
10. Рикер П. Память, история, забвение. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004.
11. Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ: сравнительное изучение цивилизаций. М.: Аспект пресс, 1999.

Van V. Kirdjashkin. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kirdjshkin@mail.ru. DOI 10.17223/1998863X/31/3

Veronika G. Skochilova. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: veronassk@gmail.com. DOI 10.17223/1998863X/31/3

INVESTIGATIONS OF THE INFLUENCE OF CULTURAL AND SYMBOLIC "CONTEXT" ON POLITICAL SOCIALIZATION OF TOMSK STUDENTS

Key words: *socialization, youth, political socialization of the youth, socializational context.*

Political socialization is formed as a process of selection of information in the cultural-symbolic space of the outside world, by means of which the derivatives are the mentality of society. Political socialization of youth can be defined as a means of controlled selection field communication society that is experiencing today the influence of chaotic tendencies of the modern information world.

The trend of today's global cultural-symbolic context is to increase the pace of development of the social order and an increase in the diversity of sources of cultural-symbolic context. A feature of the Russian cultural-symbolic context serves growth of cultural differences and ways of life, superim-

posed on the process of post-Soviet transformation of society and its cultural orientations, making cultural-symbolic context polystylistic. A feature of the Tomsk regional cultural-symbolic context are cultural-symbolic phenomena Tomsk region as a «learning region», folding in the process of positioning in Russia and the global community.

Study of the nature of the political relevance mentality of students in Tomsk modern cultural-symbolic «context» of political socialization was carried out using a phenomenological methodology (phenomenological survey) and methods of psychological testing. Method of investigating life experiences socializing agent, immersed in a specific «context», allowed to understand how a person experiences the political world, including in the regional dimension. Diagnostic Method of socio-psychological attitudes and personality test cultural value orientations provided an opportunity diagnostic disposition of individual attitudes of students to the different meanings, directivity of symbolic «context» of political socialization of students in Tomsk.

The results showed that the leading range of cultural-symbolic context of political socialization of students of Tomsk is polystylistic Russian cultural-symbolic context, traditionalist component which allows you to reverse the trend of global uncertainty cultural context. Meanwhile, the data connection is not visible political mentality of students with the regional strategy and external positioning of Tomsk region as a «learning region».

References

1. Luhmann, N. (2007) *Vvedenie v sistemnyuyu teoriyu* [Introduction to the systems theory]. Translated from German by K. Timofeeva. Moscow: Logos.
2. Kirdyashkin, I.V. (2013) Value of communicative context of the youth's political socialization of in the light of the autopoietic systems theory. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*. 4(56). pp. 77–83. (In Russian).
3. Cassirer, E. (1998) *Izbrannoe: Opyt o cheloveke* [Selected works: An Essay on Man]. Translated from German by S.O. Kuznetsov, B. Wimer. Moscow: Gardarika.
4. Skochilova, V.G. (2012) Symbolic structures of political ideology in valuable measurement. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 3(19). pp. 93–102. (In Russian).
5. Beck, U. *Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modernu* [Risk Society. Towards a New Modernity]. Translated from German by V. Sedel'nik, Ya.Fedorova. Moscow: Progress-Traditsiya.
6. Nayman, E.A. (2013) Formation of the concept of “learning region” in Western science. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. 1 (9). pp. 81–91.
7. Ulanovskiy, A.M. (2012) *Fenomenologicheskaya psikhologiya: kachestvennye issledovaniya i rabota s perezhivaniem* [Phenomenological psychology: qualitative research and work with experience]. Moscow: Smysl.
8. Raygorodsky, D.Ya. (ed.) *Prakticheskaya psikhodiagnostika. Metodiki i testy* [The practical psychodiagnosics. Procedures and tests]. Samara: BAKhRAKh-M.
9. Sonin, V.A. (2004) *Psikhodiagnosticheskoe poznanie professional'noy deyatel'nosti* [Psychodiagnostic knowledge of professional activity]. St. Petersburg: Rech'.
10. Ricoeur, P. (2004) *Pamyat', istoriya, zabvenie* [Memory, history, oblivion]. Translated from French by O. Machulskaya. Moscow: Izdatel'stvo gumanitarnoy literatury.
11. Eisenstadt, S. *Revolyutsiya i preobrazovanie obshchestv: sravnitel'noe izuchenie tsivilizatsiy* [Revolution and transformation of society: a comparative study of civilizations]. Translated from English by A.V. Gordon. Moscow: Aspekt press.